

DOI: [10.17805/ggz.2021.6.4](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.6.4)

**С. Н. Булгаков об институциональных основах экономической системы
(к 150-летию со дня рождения)***

Л. М. Ипполитов

Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается религиозно-экономическая концепция институциональных основ социально-экономической системы С. Н. Булгакова.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков; экономическая система; институционализм

**Sergei N. Bulgakov on the Institutional Foundations of the Economic System
(The 150th Anniversary of His Birth)**

L. M. Ippolitov

Moscow University for the Humanities

The article discusses the religious and economic concept of the institutional foundations of the socioeconomic system proposed by Sergei N. Bulgakov.

Keywords: S. N. Bulgakov; economic system; institutionalism

ВВЕДЕНИЕ

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) вошел в историю русской общественной мысли как замечательный экономист, философ, теолог, яркий публицист и видный общественный деятель. Он был одной из ключевых фигур русской культуры и общественного движения предреволюционного периода отечественной истории. Начав свою деятельность как один из ведущих теоретиков «критического» марксизма, на рубеже XIX–XX вв. Булгаков, как и другие представители этого течения, в частности, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, отходит от марксистского учения. Его мировоззрение и философские взгляды претерпевают эволюцию согласно формуле «От марксизма к идеализму, и от него — к религиозной православной философии». В области же экономической науки он переходит на позиции институционалистского направления. Отход Булгакова от марксистской экономической теории впервые проявился в труде «Капитализм и земледелие» (1900), в котором он не

---

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на XVII Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Ответы на глобальные вызовы» (25–27 ноября 2021 г., Московский гуманитарный университет).

только поставил под сомнение правомерность применения марксистской доктрины к объяснению экономических процессов в аграрной сфере, но и пришел к выводу о том, что она не дает всеобъемлющей картины процессов социально-экономического развития общества. Этапными с точки зрения эволюции в сторону институционализма для Булгакова были: сборник статей «От марксизма к идеализму» (1903) и «Краткий очерк политической экономии» (1906). После неудачных попыток преобразовать марксизм на философской основе неокантианства Булгаков окончательно отходит от него. Фундаментальным трудом, в котором отражено завершение процесса перехода от марксизма к институционализму, стала «Философия хозяйства» (1912).

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИСТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ С. Н. БУЛГАКОВА

Институционалистское экономическое учение Булгакова можно охарактеризовать как религиозно-этическое. Обосновывая понимание предмета и задач политической экономии с позиций христианской этики, он подчеркивал, что политическая экономия и есть прикладная этика — этика экономической жизни. Среди различных систем экономических взглядов, по его мнению, возможна и необходима христианская политическая экономия, которая исследует экономическую жизнь с точки зрения и в духе христианского учения, содержит общие религиозные основания хозяйствования (Булгаков, 1906: 16).

Социально-экономическое содержание того или иного хозяйственного строя предопределяется характером института собственности. Категория собственности рассматривалась Булгаковым в духе религиозно-этического институционализма. Оставляя в стороне юридический аспект, он выделял двойное значение собственности — этическое (религиозное) и социально-экономическое. «Под собственностью в первом смысле, — писал Булгаков, — разумеется не право собственности и не объект ее, но чувство собственности — привязанность к ней, жадность, любостяжание, своеобразно проявляющийся здесь эгоизм, отделяющий человека и от других людей и от Бога, духовный плен у собственного имущества. Победа над собственностью в этом смысле может быть не экономическая, а только нравственная, она должна совершиться в тайниках души, в незримых переживаниях совести» (Булгаков, 1997: 137).

Разъясняя этический смысл собственности и необходимость «победы над ней», он говорил о том, что чувство собственности не связано непосредственно с размерами накопленного богатства, что возможно несовпадение между чувством собственности и ее наличностью. Поэтому вполне реальна ситуация, когда обладатель обширного имущества имеет весьма слабо развитое чувство собственности, духовно свободен от нее и, напротив, лишенный какой бы то ни было значимой собственности бедняк одержим чувством жадности и

зависти к имущим. Причем такое чувство собственности по мере накопления богатства может не только не ослабевать, но, напротив, еще больше обостряться. Поскольку, по мнению Булгакова, подобное чувство не исчезает с приобретением собственности, «единственная реальная над ним победа может быть совершена не извне, но изнутри» (там же). В противоположность упрощенным представлениям сторонников «экономического материализма» об утрате чувства собственности в будущем обществе, Булгаков провидчески прогнозировал возможность его развития и обострения даже в условиях такого хозяйственного строя, при котором уже не существует права собственности в точном смысле, но остается лишь право пользования предметами потребления: «...никакая внешняя реформа, хотя бы социалистическая, неспособна устранить себялюбивое чувство собственности. Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие мамона, и осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» (там же).

Другой аспект категории собственности, социально-экономический, или ее объективный смысл вопреки распространенным в то время представлениям Булгаков связывал не только и не столько с отношениями распределения и потребления, сколько с «организацией производительного труда, производства, вообще... с экономической организацией данного общества» там же: 138). Это объективное значение собственности как «исторического факта», по Булгакову, определяется именно характером хозяйственной организации того или иного общественного строя. Поэтому одно значение собственности имеет в рабовладельческом хозяйстве, другое в мелком крестьянском или ремесленном, третье — при капитализме и т. п.

По мнению экономиста, объективное основание данной формы собственности, ее право на существование «определяется относительной исторической необходимостью и целесообразностью данной формы производства, одной из подробностей которой она и является. В этом смысле вопрос о собственности не есть отдельный, самостоятельный вопрос, он разрешается в связи с общим вопросом о данной форме производства» (там же). Он указывал на связь социально-экономического содержания собственности с организацией производства и на ее функциональный характер. Так, владение фабрикой означает не то, что ее собственник распоряжается ею как предметом личного потребления, а то, что он участвует в организации хозяйства, «заведует» данной отраслью общественного производства.

С. Н. Булгаков обращал также внимание на «бремя собственности», на важное общественное значение экономической функции собственника: «Если надлежащим образом понять значение собственности в этом смысле, то она

есть столько же право, сколько и обязанность, с ней связана важная и ответственная функция. <...> До тех пор, пока известный экономический строй, в данном случае капитализм, остается непоколебленным и представляет общее условие исторического существования, такая собственность налагает перед обществом весьма серьезные и ответственные обязанности на того, кому она досталась» (там же). «Освобождение» от такой собственности путем ее отмены вовсе не снимает проблемы экономической организации в отличие от собственности на предметы потребления, отказ от которой в пользу других и введение «потребительского коммунизма» формально разрешает подобные затруднения. Булгаков приводил в пример «потребительский коммунизм» первых христианских общин, который не означал введения новой общественной организации производства, нового хозяйственного строя, а потому был не организацией, а ликвидацией хозяйства, которое велось вне общины. Он полагал возможным существование собственности как «обязанности» и «общественной функции» и без особенного развития «собственнических чувств» в смысле «классовых интересов», господство которых он считал правилом хотя и общим, но отнюдь не непреодолимым.

Исходя из такого понимания собственности, философ считал невозможным и противоречащим принципам христианства требование немедленного отказа от капиталистической собственности и введения социалистической формы хозяйства. По его мнению, капиталист, проникнутый действительно христианским духом, в своей личной жизни и потребностях мог бы сколько угодно быть аскетом, отдавать в пользу других людей и на общественные нужды свои доходы, однако он не имел бы права освободиться от ответственности за судьбы и благосостояние своих рабочих, даже путем продажи своего имущества с последующей раздачей им вырученных средств. Вопрос об «освобождении от собственности» не разрешается, как считал Булгаков, и посредством ее раздела и передачи в руки работников, превращаемых тем самым в мелких собственников. История производительной кооперации свидетельствует о сомнительной пользе такого акта для трудящихся, как в экономическом, так и в духовном отношении. Мыслитель, таким образом, не видел решения проблемы собственности и на путях «кооперативного социализма». «Богатство в социальном смысле, социальная мощь и власть, — подытоживал он, — обязывает ее носителей, как и всякая власть. Не будучи в состоянии в одиночку выпрыгнуть из своей социальной эпохи сразу в царство социализма, они должны нести хотя бы как бремя свою “собственность”, но нести его добросовестно и честно» (там же).

Рассматривая проблему собственности в связи с поиском путей преобразования общества на базе принципов христианской этики, Булгаков подверг

критике требование социализации доходов и личного имущества, выдвигавшееся в то время в качестве едва ли не основной нормы христианства в области экономической жизни. По его мнению, подобное требование вообще не имеет никакого экономического содержания, ибо собственность на предметы потребления является производной от собственности на средства производства: «Собственность на средства производства, или “капитал”, есть важнейшая форма собственности в наше время, определяющая наш общественный строй. За вычетом ее остается собственность на предметы потребления, на доходы в точном и тесном смысле слова, которые отражают господствующую форму производства со стороны “распределения”. Доходы эти, конечно, не могут быть социализированы без соответствующей социализации средств производства» (там же: 139).

С другой стороны, вряд ли целесообразно выдвигать данное требование как самостоятельное, поскольку отношение к нему — не более чем свидетельство наличия христианского чувства, его «термометр». Достижение же Царствия Божия — задача, лежащая не в материальной, но в духовной сфере. Поэтому ожидать от него, прежде всего, переустройства имущественных отношений и устранения имущественного неравенства — значит склоняться к позиции материалистического социализма, отождествляющего осуществление задач Царствия Божия с построением социалистического хозяйства. Булгаков принципиально отвергал такой подход, утверждая, «что непосредственного разрешения практических задач в виде “общения имуществ” христианство не сулит и что какого-либо специфического христианского и церковно-общинного социализма не существует и существовать не должно. Должна быть только христианская проповедь задач социализма и христианское истолкование его действительных целей (христианская этика и философия социализма)...» (там же). По мнению Булгакова, сам же будущий социальный строй «как экономический факт, как совокупность внешних объективных институтов юридических и экономических может быть только один и тот же для всех членов данного общества, и для христиан, и для язычников» (там же). Следовательно, в целях преобразования существующего строя на началах христианской этики и приближения его к идеалу справедливости и любви в экономических отношениях необходима совместная работа христиан со всеми иными социальными силами прогрессивной, гуманистической ориентации.

Булгаковская интерпретация капиталистической собственности как «бремени», несомненно, находится в соответствии с концепцией М. Вебера о роли христианской этики в формировании рационального капиталистического духа. Речь идет о присущем, по Веберу, протестантской ветви христианства требованию обмирщения религиозного долга, равнозначности хозяйственной деятельности (труда, предпринимательства и т. д.) и религиозной аскезы, о

доктрине избранности к спасению и т. д. Булгаков же выводит отношение к собственности как социально-ответственной функции из общехристианского императива: человек должен относиться к своему положению в обществе, к своему профессиональному «званию» как к служению, т. е. отдавая приоритет своим обязанностям, а не правам. Лишь тогда он получит возможность по-христиански проходить свое служение, выполняя функцию собственника предприятия наравне с религиозным долгом.

В написанной в эмиграции работе «Православие. Очерки учения православной церкви», впервые вышедшей на русском языке в 1964 г. в Париже, Булгаков применял принципы христианской православной этики к конкретным хозяйственным формам общества, к оценке социально-экономических институтов. Он утверждал, что православие, как и христианство вообще, не связывает себя с каким-либо классом общества, ибо оно выше классов с их ограниченностью и эгоизмом: «Еще меньше оно может быть связано с какой-либо одной определенной системой хозяйственной организации, для каждой из них существует своя историческая очередь» (Булгаков, 1991: 366). Тем не менее, применительно к современному ему хозяйственному строю Булгаков выдвинул два положения, имеющих, по его словам, «социально-этическую самоочевидность».

Первое положение заключается в том, что «православие не стоит на страже частной собственности как таковой, даже в той степени, в какой это еще делает католическая Церковь, видящая в ней установление естественного права...» (там же). Как подчеркивал Булгаков, «частная собственность есть исторический институт, который все время меняется в своих очертаниях, как и в своем социальном значении, и ни один из образов ее существования не имеет самодовлеющего, пребывающего значения» (там же: 366–367).

Второе положение состоит в том, что православие не может поддерживать капиталистическую систему хозяйствования, поскольку она базируется на эксплуатации наемных работников, хотя временно оно может мириться с ней с учетом ее заслуг в повышении производительности труда и развитии производственного потенциала. Православие не может и не должно мириться с рабством подневольных народов, с эксплуатацией детского труда, имевшей место на начальной стадии капитализма. Впрочем, как отмечал экономист, капитализм, «как и частная собственность, непрерывно меняется в своем историческом лице, вращаясь в социализм» (там же: 367). Поэтому «абстрактные категории социализма или капитализма, столь удобные для демагогии», оказываются неприменимыми для всестороннего анализа социально-экономических форм в свете нравственных требований (там же).

Верный этическому подходу, Булгаков выдвигает социально-этический критерий сравнительной характеристики систем хозяйственной организации

общества: «...Есть одна высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи» (там же: 367–368). С этих позиций православие исторично в своей оценке различных хозяйственных форм, проявляя релятивизм в средствах при неизменности целей. Однако именно поэтому Булгаков полагал, что православие не может относиться к социально-экономическому строю Советской России иначе, как резко отрицательно, ибо «он, при некоторых совершенно бесспорных социальных достижениях, есть система тиранического насилия над личной свободой и ее коренное отрицание» (там же: 368).

Булгаков утверждал, что понимаемая в христианском духе политическая экономия указывает и на вытекающие из евангельской заповеди любви и помощи ближнему социальные обязанности, что она устанавливает вполне определенные руководящие нормы устройства общества. «Первая норма такова, — писал ученый, — что каждый должен трудиться в меру своих сил и умения, эта заповедь труда исключает социальную праздность, заставляет стремиться к трудовому хозяйству, с превращением, по возможности, всех рентных доходов в трудовые. Вторую нормой служит забота о слабых и угнетенных, т. е. о тех многочисленных слоях народа, которые придавила и задавила собой наша цивилизация» (Булгаков, 1997: 129). Стремление исполнить евангельскую заповедь добросовестно и честно, руководствуясь данными нормами общественного устройства, полагал Булгаков, неизбежно заставляет каждого задуматься о смысле реально существующего экономического строя и определить свое к нему отношение.

Принципы христианской этики и основанные на них нормы общественного устройства определяют одновременно и контуры того экономического строя, который Булгаков считал своим идеалом социального устройства: «Нормальным с точки зрения этих принципов представляется такой общественный строй, в котором не было бы места для социальной праздности, существовала бы общая обязанность труда, соответственно склонностям и способностям, и в котором не было бы теперешнего различия между богатыми и бедными, имущими много и подвергающимися искушению от своего богатства, и неимущими ничего, подавляемыми этой бедностью» (там же: 129–130).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, христианская политическая экономия, как понимал ее задачи С. Н. Булгаков, «призвана освещать исторический путь социальной любви», любви деятельной, для которой «кроме личного подвига и наряду с ним, открывается путь социальных преобразований, на который трудно вступить без руководства социальной науки, в частности, политической экономии, она играет роль своего рода Беатриче, проводящей современного Вергилия чрез ад и чистилище, становится наукой социальной любви» (Булгаков, 1906: 16). Резюмируя свои размышления о задачах политической экономии в их христианском понимании, он подчеркивал, что понимание политической экономии «как науки социальной любви и прикладной этики» вполне отвечает тем общим целям, которые ставятся перед христианами евангельскими заповедями (там же).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков, С. Н. (1906) Краткий очерк политической экономии. Вып. 1: Основные черты современного хозяйственного строя. М. : Труд и воля. 152 с.

Булгаков, С. Н. (1991) Православие: очерки учения православной церкви. М. : Terra. 416 с.

Булгаков, С. Н. (1997) Христианство и социальный вопрос // Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб. : РГХИ. 587, [2] с. С. 126–140.

Дата поступления: 13.12.2021 г.

REFERENCES

Bulgakov, S. N. (1906) *Kratkii ocherk politicheskoi ekonomii. Vyp. 1: Osnovnye cherty sovremennogo khoziaistvennogo stroia [A brief outline of political economy. Issue 1: The main features of contemporary economic system]*. Moscow : Trud i volia Publ. 152 p. (In Russ.).

Bulgakov, S. N. (1991) *Pravoslavie: ocherki ucheniia pravoslavnoi tserkvi [Orthodoxy: Essays on the doctrine of the Orthodox Church]*. Moscow : Terra Publ. 416 p. (In Russ.).

Bulgakov, S. N. (1997) *Khristianstvo i sotsial'nyi vopros [Christianity and social issue]*. In: Bulgakov, S. N. *Dva grada. Issledovaniia o prirode obshchestvennykh idealov [Two cities. Studies on the nature of social ideals]*. St. Petersburg : The Russian Christian Academy for the Humanities. 587, [2] p. Pp. 126–140. (In Russ.).

Submission date: 13.12.2021.

Ипполитов Леонид Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и финансовых дисциплин Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-73-61. Эл. адрес: ilm74@bk.ru

IPPOLITOV Leonid Mikhailovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economic and Financial Disciplines, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-73-61. E-mail: ilm74@bk.ru

Для цитирования:

Ипполитов Л. М. С. Н. Булгаков об институциональных основах экономической системы (к 150-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 6. С. 25–33. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1603> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2021.6.4](https://doi.org/10.17805/ggz.2021.6.4)